

социальная эмпирика человеческих отношений значительно богаче, многокачественнее и сложнее, поэтому сведение всех проявлений нетерпимости в «прокрустово ложе» некоторых ее исторически типичных форм, не означает исчерпания всей гаммы социальных отношений. Однако, для понимания сущностных черт в развитии данного феномена подобная типификация, на наш взгляд, имеет место.

Примечания

1. Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс? // *Вопр. философии*. 1992. № 3. С.82-94.

*Мешков В.М.,
кандидат философских наук, доцент (Полтавский национальный технический университета
им. Юрия Кондратюка, Украина)*

ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФИЗИКИ В КНИГЕ ФРИДРИХА НИЦШЕ «ТАК ГОВОРЯЛ ЗАРАТУСТРА»

В книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» обычно ищут глубинный символизм, глубокий смысл его зашифрованных образов. Целью этой статьи было стремление показать, что в этой книге он пытался передать сокровенное переживание «жизни» как священной онтологической реальности.

О периодизации философского пути Фридриха Ницше

В генезисе ницшеанского духа можно выделить два периода: до «Заратустры» и после него. Вершиной своего творчества Ф. Ницше считал создание своего лучшего творения «Так говорил Заратустра». «Среди моих сочинений, - пишет он в «Ессе homo», - мой *Заратустра* занимает особое место. Им сделал я человечеству величайший дар из всех сделанных ему до сих пор. Эта книга с голосом, звучащим над тысячелетиями, есть не только самая высокая книга, которая когда-либо существовала, настоящая книга горного воздуха - самый факт человек лежит в чудовищной дали *ниже ее* - она также книга самая глубокая, рожденная из самых сокровенных недр истины, неисчерпаемый колодец, откуда всякое погрузившееся ведро возвращается на поверхность полным золота и доброты» [1, с. 695]. В дозаратустровский период происходило созревание ницшеанства. «Заратустра» - это его зрелый плод. Сформировалась парадигма философии Ф. Ницше, которая нашла выражение в его метафизике. Ф. Ницше полагал, что он открыл фундаментальную реальность, которую до него никто не созерцал. «Я знаю бездны, куда не ступала ни одна нога», - подчеркивает он в «Ессе homo» [1, с. 724]. Все сочинения, написанные после «Заратустры», были попыткой концептуального развертывания того, что заложено в его «Откровении». По его мнению, это был период спада: «Годы во время и главным образом *после* Заратустры были несравнимым бедствием. Дорого искупается - быть бессмертным: за это

умираешь не раз живьем» [1, с. 748]. Ф. Ницше не удалось продвинуться дальше, развернуть дионисийское пространство, которое представляло собой метафизику особого рода. Его последующие работы «По ту сторону добра и зла», «К генеалогии морали», «Сумерки идолов», «Антихрист» и другие были произведениями зрелого ницшеанства и «работали» преимущественно в направлении обоснования базовых положений его философии.

В подобной периодизации творческого пути великого мыслителя просматривается некоторая закономерность. Сначала философу приходится пройти путь до вызревания его главной идеи. Пережив озарение, философ обычно отправляется в не менее сложный путь обоснования и концептуального развертывания своей основной идеи, превращая ее в подобие философской системы. Такая модель развития философа и его философии достаточно четко просматривается при изучении пути Платона, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса и других.

«Заратустра» Ф. Ницше и онтологическая реальность Диониса

В западной философии, начиная с Пифагора, а затем Гераклита и Парменида, сложилась традиция отождествления разума, мыслительной деятельности человека с архэ, фундаментальной онтологической реальностью мироздания («все есть число», «Логос существует вечно», «мыслить и быть одно и то же» и т. д.). Отсюда следует, что разуму человека, его мышлению открывалась (или он ее творил) метафизическая, божественная реальность мироздания. В философии Ф. Ницше последняя имеет рационально-иррациональную природу («жизнь»), соответственно генератором подобного типа реальности в человеке является сердце. По Ф. Ницше, субъективный мир человека - это «Тело», состоящее из «Я» (сознания) и «Само» (Бессознательного). В этой «эмпирической» реальности, ментальном пространстве сердце творит субпространство сокровенного бытия, изоморфное субстанциональной дионисийской реальности («жизни»). Мотором этой реальности в человеке является «воля к власти». «Воля к власти» как сущностный принцип имеет субстанциальную или объективную природу. Ф. Ницше в споре с А. Шопенгауэром объективный характер «воли к власти» категорически отрицает. Но если в его произведениях Дионис не метафора, то признание существования дионисийской метафизической реальности становится необходимым. Дионис - это «жизнь», объективное, субстанциональное, духовное по природе бытие. В «Заратустре» Ф. Ницше пишет: «И вот какую тайну поведала мне сама жизнь. «Смотри, - говорила она, - *я всегда должна преодолевать самое себя*. Конечно, вы называете это волей к творению или стремлением к цели, к высшему, дальнему, более сложному - но все это образует единую тайну» [1, с. 82]. Ф. Ницше идею «воли к власти» в «Заратустре» еще теоретически не проработал. Он обратил внимание лишь на творческую, созидательную роль этого принципа.

Одним из важнейших представлений в современной методологии науки являются положения об «идеализированном объекте» теории и «мысленном эксперименте» как способе его конструирования. Согласно методологии науки,

процесс создания теории в любой области современной науки – это в большой степени процесс конструирования упрощенной, абстрактной модели того фрагмента реальности, который является объектом исследования. Эту теоретическую модель образует система основных теоретических понятий науки, которые рассматриваются как теоретические конструкторы, идеализированные теоретические схемы, созданные для исследования фрагмента объективной реальности. Мыслительные операции с понятиями (теоретическими схемами) данной науки по выявлению и уточнению связей между ними в методологии науки называются «мысленным экспериментом». В реальном эксперименте, если таковой возможен, происходит проверка соответствия теоретической идеализированной модели объективной реальности. Эти положения современной методологии науки при определенной коррекции успешно «работают» и в философии как одном из видов абстрактно-теоретической деятельности. Поэтому философствование можно рассматривать как деятельность по созданию предельно абстрактных идеализированных моделей исследуемой реальности с помощью мыслительных операций (мысленного эксперимента) с философскими категориями, которые по сравнению с естественнонаучными понятиями имеют свою специфику как теоретические конструкторы. В отличие от физиков, химиков и т. д. философы лишены возможности проведения реального эксперимента.

Дионисийское метафизическое пространство Ф. Ницше в «Заратустре» – это *идеализированная* модель той реальности, которая открылась ему, и была им названа «жизнью». При этом она носила не абстрактно-теоретический, а иррационально-мистический характер. Поэтому ее исследование требовало не мыслительной деятельности посредством рассудка и разума, а сложной процедуры вхождения в нее (известной лишь Ф. Ницше) посредством переживания всем своим существом, сердцем. При написании «Заратустры» Ф. Ницше сумел пройти этот непростой путь.

Тематическая структура метафизического пространства «жизни»

Метафизическое пространство «жизни» – это натуралистическое пространство. Это пространство доосевого времени, осями координат которого были темы «силы», «натуры», «эроса» и «рода». В метафизическом пространстве эти характеристики должны выступать в чистом виде, в предельной форме выражения. Это обстоятельство мы наблюдаем в «Заратустре». Натуралистически силовые характеристики дионисийского пространства Фридриха Ницше проявляются в образе «молодых львов», как типичных его представителей: «*Других* жду я здесь, в этих горах и без них не шевельну я ногой, чтобы уйти отсюда. Высших, более сильных, победоносных, более веселых, таких, у которых прямоугодно построены тело и душа: *смеющиеся львы* должны прийти!» [1, с. 204].

Объекты метафизического пространства Ф. Ницше не теоретические конструкторы – это сложная система тематических образов, которые призваны помочь читателю прочувствовать, сопережить эту реальность. Динамику этой

реальности он пытался передать через темы-образы «войны» «борьбы», «мужества» и т. д. От субъекта этого жизненного мира требуется максимальное напряжение всех своих физических и духовных сил, преодоление себя на пути восхождения к «короткому миру» как временной передышки: «Жизнь, – восклицает Заратустра, – должна всегда сызнова преодолевать себя!» [1, с. 72].

По мнению Ф. Ницше, дионисийское тематическое пространство есть совершенное бытие «жизни», «чистой воли к власти»: «Где есть невинность? Там, где есть воля к зачатию. И кто хочет созидать дальше себя, у того для меня самая чистая воля. Где есть красота? Там, где я *должен* хотеть всею волею; где хочу я любить и погибнуть, чтобы образ не остался только образом» [1, с. 88].

Два условия вхождения в метафизическое пространство «жизни»

Необходимым условием вхождения в эту реальность, непосредственного созерцания-переживания созидающей «воли к власти» является натуралистическое, нравственно-эстетическое очищение. «Разве я советую вам убивать свои чувства? Я советую вам невинность чувств» [1, с. 39]. «Очиститься должен еще освободившийся дух. В нем еще много от тюрьмы и от затхлости: чистым должен еще стать его взор» [1, с. 31].

Действительно, метрика пространства «жизни», его тематическая структура есть выражение атрибутивных характеристик онтологического бытия Диониса или Дьявола. На это обстоятельство неоднократно указывал сам Ф. Ницше. Так, в разделе «Ребенок и зеркало» он пишет: «О Заратустра, – сказал мне ребенок, – посмотри на себя в зеркале!» Посмотрев в зеркало, я вскрикнул, и сердце мое содрогнулось: ибо не себя увидел я в нем, а рожу дьявола и язвительную усмешку его» [1, с. 58].

Человек и сверхчеловек

Согласно Ф. Ницше, лишь сверхчеловек может быть «жителем» дионисийского пространства. Они существуют друг для друга. Среднестатистический человек «не житель» этого метафизического пространства. Оно ему недоступно и не по силам ему пребывать в нем. Из описания Ф. Ницше мы видим, что метрика тематического пространства «жизни» и ценностная структура сверхчеловека практически совпадают. Совпадают их ценностно-тематические структуры. Что означают известные высказывания Ф. Ницше: «Человек есть нечто, что должно превзойти» [1, с. 8]. «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью... В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход* и *гибель*» [1, с. 9]. Следуя логике философии Ф. Ницше, ясно, что предварительным условием на пути к сверхчеловеку человек должен «превзойти», устранив в себе представления о Боге, чистом разуме и т. д., одним словом – о «небесной реальности» («Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! они отравители, все равно, знают ли они это или нет» [1, с. 8]). После чего он окажется в тематическом пространстве «жизни» и

«земли». Опять же следуя его логике метафизического движения, получается, что жизненный мир животных (лучше зверей-хищников) есть пространство «жизни» в чистом виде, в котором, однако, скрывается более глубокая реальность — пространство «смысла земли», вхождение в которое делает человека сверхчеловеком. «Великий полдень — когда человек стоит посреди своего пути между животным и сверхчеловеком и празднует свой путь к закату как свою высшую надежду: ибо это есть путь к новому утру... Умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек» — такова должна быть в великий полдень наша последняя воля!» [1, с. 56-57]. Позже в подготовительных материалах к «Воле к власти» (фр. 1027) Ф. Ницше так уточнит промежуточное положение человека между животным и сверхчеловеком: «Человек — это *зверь-чудовище* и *сверхзверь*; высший человек — это человек-чудовище и сверхчеловек: именно так все и складывается. С каждым прирастанием человека ввысь и в величие он растет также в глубь и в страшное» [2, с. 541].

Условия вхождения в метафизическое пространство Диониса и движение в нем

Своеобразие пути в дионисийском метафизическом пространстве заключается в парадоксальном характере этого движения — путь вверх (но поскольку, по Ф. Ницше, «верха» нет), который есть путь вниз. Восхождение есть нисхождение в глубины в глубины сокровенного бытия «жизни». В части третьей в «Страннике» Заратустра говорит: «Я стою перед самой высокой своей горой и перед самым долгим своим странствованием, поэтому я должен спуститься ниже, чем когда-либо поднимался я:

— глубже погрузиться в страдание, чем когда-либо поднимался я, до самой черной волны его! Так хочет судьба моя. Ну что ж! Я готов» [1, с. 108].

Какова процедура вхождения в эту субстанциальную реальность? Ф. Ницше в «Заратустре» не дает нам рекомендаций на этот счет. Заратустра Фридриха Ницше не только постиг метафизическое пространство «жизни», но и стал его проповедником. Из его жизнеописания можно выделить два неперенных условия Пути, открытого Ф. Ницше. Первое условие — это одиночество. Во многих своих произведениях Ф. Ницше исследовал этот тип бытия человека, экзистенциальную и творческую его составляющие. По нашему мнению, его описание этой ментальной реальности наиболее глубоко, полно и всесторонне. Приведем фрагменты его «гимна» одиночеству из «Заратустры»: «О, одиночество! Ты, отчизна моя, одиночество! Как блаженно и нежно говорит мне твой голос!... Здесь раскрываются мне слова и ларчики слов всякого бытия: здесь всякое бытие хочет стать словом, всякое становление хочет здесь научиться у меня говорить... О блаженная тишина вокруг меня! О чистый запах вокруг меня! О, как вдыхает эта тишина полною грудью чистое дыхание! О, как она прислушивается, эта блаженная тишина!» [1, с. 132].

Другим важным условием вхождения в метафизическую реальность «жизни» является душевное страдание, о глубине и интенсивности которого

мы, твердокожие, можем только догадываться. В выделенных нами выше словах Заратустры («глубже погрузиться в страдание...»), а также в других местах Ф. Ницше определенно отмечает это обстоятельство. Жестокое страдание самого Ф. Ницше, вероятно, приводило к значительной интенсификации остроты восприятия «жизни».

Ф. Ницше ясно осознавал, что открытая им метафизическое пространство — это онтологическая реальность Дьявола (Диониса), в реабилитации которой, в утверждении ее полноценного, равноправного, позитивного статуса он, надо полагать, видел свою историческую миссию. «Дьявол толкует терпимость Бога, — пишет Ф. Ницше в «Воле к власти» (фр. 1015), — к своей пользе: более того, ему испокон веков интереснее быть нераспознанным, оклеветанным, — *мы спасаем честь дьявола* (выделено. — В. М.)» [2, с. 534]. Соответственно и сверхчеловек имеет дьявольскую природу. «Вы, высшие люди, — восклицает Заратустра, — каких встречал мой взор! в том сомнение мое в вас и тайный смех мой: я угадываю, вы бы назвали моего сверхчеловека — дьяволом!» [1, с. 104].

Любопытно, что после «Заратустры» открытое Фридрихом Ницше дионисийское пространство оказалось незаполненным. Он не смог хотя бы для иллюстрации «прописать» в нем ни одного исторического персонажа. Носителем этой реальности был лишь Заратустра — плод творения Ф. Ницше. Но «Заратустра» и «сверхчеловек» — это «идеализированные объекты» в «теории» Фридриха Ницше, которые в отличие от теоретических объектов в научной теории имеют не рациональную, а иррационально-рациональную природу. Пророк Заратустра и Заратустра Ф. Ницше не только весьма далеки друг от друга, но можно сказать, что их деятельность, проповеди, оси их духа и «воли к власти» были направлены в противоположные стороны. Пророк Заратустра велик тем, что был, вероятно, первым в истории человечества, кто открыл (точнее, ему открылась) чисто духовное метафизическое пространство Разума (Ахура-Мазды), первым вышел из натуралистического жизненного мира и мужественно проповедовал данное ему учение. Заратустра Ф. Ницше напротив пытался разрушить религиозную традицию, основателем которой был пророк Заратустра, и всячески старался вернуться в пространство Диониса (Ангры-Майнью). Ф. Ницше пытался «прописать» в дионисийское пространство Наполеона как сверхчеловека, но, вероятно, сам видел неудачу этого опыта.

Между тем заполнить метафизическое пространство «жизни» Фридриха Ницше совсем нетрудно. Боги и герои всех мифологий доосового времени (особенно во II-м тысячелетии до н. э.) «жили» в этом пространстве. Даже Аполлон, Афина, Ахиллес, Агамемнон и другие боги и герои гомеровской Греции оставались в этом жизненном мире. Метафизическое пространство Диониса — это не плод воспаленного воображения Ф. Ницше. Это субстанциальная реальность, которую обозначают различными словами в истории религии и философии.

Таким образом, в философии жизни Ф. Ницше мы наблюдаем существенное противоречие. С одной стороны, «жизнь» провозглашается как субъективная реальность, стержнем которой выступает воля к власти. С другой,

- при написании книги «Так говорил Заратустра» ему открылась «жизнь» как фундаментальная онтологическая реальность. Этот метафизический, натуралистический мир есть мир Диониса. В «Заратустре» Ф. Ницше описал тематическое пространство «жизни», которое стало системой отсчета всей его философии.

Примечания

1. Ницше Ф. Сочинения. В 2-т. Т. 2. - М.: 1990
2. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей - М.: 2005

*Митлякина Л.В.,
кандидат философских наук, доцент
Балыкова Л.,
студентка (Мордовский госуниверситет им. Н. П. Огарева)*

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

История развития человечества свидетельствует о том, что старые люди в разное время занимали разное положение в обществе и оказывали на него неодинаковое влияние.

В давние времена, когда средняя продолжительность жизни была менее 20 лет, старые люди не умирали естественной смертью. С. М. Соловьев писал, что детям вменялось в обязанность убийство немощных и старых родителей. Этот обычай существовал у племен воинственных, которые не терпели в своей среде лишних, слабых, не способных оказать помощь во время войны, защитить сородичей, не способных отомстить за свои обиды. Основная же причина уничтожения стариков заключалась в том, что в условиях первобытного общества люди с трудом могли прокормить себя. Однако зрелый человек как носитель практических знаний и обладатель многолетнего опыта был объектом уважения в первобытной орде. Он осуществлял связь между поколениями, т.к. передавал свои знания молодым людям. Однако когда он становился беспомощным, бесполезным для племени или рода, когда силы и память отказывали ему, его либо бросали на произвол судьбы, либо убивали. С появлением огня, убийство пожилых людей прекратилось.

Английский психолог Д. Бромли утверждал, что в первобытном обществе старый человек получал выгоду от своего возраста: он пользовался тем большим уважением, чем больше прожил лет. Конечно, такое уважение было связано в значительной степени с тем, что число старых людей было невелико, само достижение старости было очень редким явлением [4, 86].

Доиндустриальная эпоха также не знала проблем старости. Старых людей было мало и они почти до самой смерти могли с пользой трудиться в сельском хозяйстве, в своих собственных семьях, заниматься ремеслами, искусством. Дожившие до старости становились мастерами в своей сфере деятельности,

стать их учениками было очень престижно для молодых. Развитием индустрии было разрушено всеобщее уважение к старым людям, отношение к ним как хранителям очага, знаний и мудрости. Промышленная и демографическая революции привели к полному отвержению старых людей. Их становилось все больше, общество стало сталкиваться с наиболее отягощающими последствиями старения.

Стремление к извлечению максимальной прибыли способствовало жестокой эксплуатации работающих. Трагизм положения стареющих людей заключается в том, что они становятся ненужными именно в период полного расцвета физических сил и умственных способностей.

Когда-то в Древней Греции на холме Арея происходило высокое судилище. Легендарный законодатель Соломон поручал «последнюю судебную инстанцию» не молодежи, не зрелым мужам и даже не пожилым афинским гражданам или воинам, а глубоким старцам, давно переставшим служить республике. Старцы эти поднимались на холм Арея и составляли судилище – «Ареопаг», вынося свой приговор уголовным и политическим преступникам, причем не только по букве закона, но и по «нравственному убеждению» [3, 54-55].

Что же заставило Соломона, вошедшего в историю с прилагательным «мудрый», поручить такое дело людям столь преклонного возраста? Конечно, то великое преимущество старости, которое называется опытом жизни. Идущие один за другим десятки лет «течения времени» подобно каплям воды, пробивающим камень, несут с собой особое знание жизни, которому нет цены, настолько оно велико.

Человек «всего насмотрелся», стал понимать пружины человеческих действий, маски, за которыми прячется дурное лицо и целомудрие, умалчивающее о своем самом лучшем; охлаждены страсти, обуздана ярость, спокойное бескорыстие придает выносимому суждению ту глубокую нравственную силу, которой нельзя не верить. Этот опыт жизни, практическая мудрость сочетается и с другими качествами, достигаемыми в старости.

А как же склероз, артриты, рак, гипертония, параличи, «впадение в детство», глухота, слепота, ворчливость, брюзжание, эгоизм, капризы старческого возраста? Как все это вяжется с греческими старцами, взбирающимися на холм, куда взобраться и не у всякого молодого хватит теперь «ног и сердце»?

Да противоречие есть. И для того чтобы чудесная пора жизни – осень стала здоровой, нормальной, высоко полезной, нужно построить жизнь в эту пору на действительно научной основе с учетом биохимических особенностей, присущих этому возрасту в определенных социальных условиях.

Бернард Шоу заметил в беседе о старости: «Нет старости для людей с живой душой и разумом, вбирающих жизнь всеми пятью чувствами. Старым можно быть и в молодости, но можно прожить жизнь, так и не познав ее. Человек часто умирает раньше, нежели исчерпал все свои духовные и умственные силы. И если молодость – стихия страстей и эмоций, то старость – стихия мысли, творчества, разума» [3, 65].